

УДК 332

Ф. И. Аржаев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
e-mail: fedor.arzhaev@bk.ru

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКИХ ПОДХОДОВ К ИНИЦИАТИВЕ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Ключевые слова: ОПОП, Россия, влияние, баланс интересов, партнерство, сопряжение.

Один пояс, один путь уже стал одним из ключевых проектов КНР в Евразии, значительно усилил его позиции, как политические, так и экономические. Ключевой вопрос, рассматриваемый в этой связи – отношение России к ОПОП и его трансформация в течение времени и с изменением самой сути китайского проекта из торгово-логистического в инвестиционный и даже цивилизационный. Достаточно очевидно, что официальные позиции стран не менялись – Россия и КНР развивают долгосрочное партнерство, происходит глубокая взаимная интеграция экономик стран, при этом само партнерство выгодно обеим сторонам. Однако стоит отметить, что отношение РФ к китайским внешнеполитическим амбициям достаточно осторожное и сдержанное, что и определяет значимость оценки подходов к его основной, выгодной в том числе и для РФ инициативе – ОПОП. В рамках исследования выделены три основных этапа эволюции ОПОП как проекта, на каждом из них проанализированы подходы РФ к проекту на уровне восприятия предлагаемых инструментов и рисков.

F. I. Arzhaev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: fedor.arzhaev@bk.ru

THE EVOLUTION OF RUSSIAN APPROACHES TO THE «ONE BELT, ONE ROAD» INITIATIVE

Keywords: OBOR, Russia, influence, balance of interests, partnership, interface.

One Belt, One Road has already become one of the key projects of the PRC in Eurasia, significantly strengthening its position, both political and economic. The key issue being considered in this regard is Russia's attitude to the OBOR and its transformation over time and with the change in the very essence of the Chinese project from trade and logistics to investment and even civilizational. It is quite obvious that the official positions of the countries have not changed – Russia and China are developing a long-term partnership, deep mutual integration of the countries' economies is taking place, and the partnership itself is beneficial to both parties. However, it is worth noting that the Russian Federation's attitude towards Chinese foreign policy ambitions is quite cautious and restrained, which determines the importance of assessing approaches to its main initiative, which is also beneficial for the Russian Federation, the OBOR. The study identifies three main stages in the evolution of the BRI as a project; at each of them, the Russian Federation's approaches to the project are analyzed at the level of perception of the proposed tools and risks.

Евразия – континент, где сходятся геополитические и геоэкономические интересы мировых сверхдержав и арена их соперничества за господство в мире. Современная архитектура мировой экономики и миропорядок в целом не могут гарантировать стабильность и обеспечить условия для экономического процветания развивающихся экономик – они служат интересам развитых стран, известных как западный мир или

англосаксонское мирсистемное ядро [9]. Развивающиеся экономики вынуждены создавать инструменты для защиты своих национальных интересов в рамках существующих условий, одним из таких инструментов является инициатива Один пояс, один путь (ОПОП).

ОПОП – китайский проект, который родился из идеи создать современный Шелковый путь, чтобы упростить логистику

китайских товаров и услуг в Европу и наоборот, внести вклад в развитие инфраструктуры и торгового партнерства в Евразии. В своей изначальной форме как способ более быстрой доставки товаров из Китая их основным потребителям, ОПОП был тепло встречен Россией [5], также искавшей способы диверсифицировать свой экспорт как в Европу, так и в Китай с меньшими затратами. Большой объем транзита грузов через российскую территорию по Северному маршруту (как и планировалось в 2015 году) способствовал поддержке проекта в России [11].

Однако с растущей ролью Китая во всем мире, крахом парадигмы глобализации как конца истории по Фукуяме [23], стремлением развивающихся экономик найти свое законное и справедливое место в меняющемся мировом порядке и столкновением геополитических и геоэкономических интересов крупнейших сверхдержав, что характеризует современный этап развития международных экономических отношений [12], ОПОП превратился из инфраструктурной инициативы в ключевой геополитический проект Китая [10]. Недавнее увеличение количества кризисов в Евразии, а именно начало украинского кризиса, нестабильность в Кавказском регионе, изменения в Афганистане и другие многочисленные потрясения являются признаками новой геополитической реальности с более высокой ролью региональных держав. На волне этих тектонических изменений китайская инициатива по соединению Европы и Азии множеством высокоразвитых транспортных коридоров, в том числе морских, трансформировалась соответственно амбициям Китая на мировой арене.

Текущее состояние ОПОП существенно отличается от первоначальной идеи. В связи с изменениями в отношениях Китая и США, которые поставили под угрозу китайско-европейское сотрудничество, и расколом по линии глобальных взаимодействий Севера и Юга, КНР переформатировал инициативу «Пояс и путь» в направлении воплощения в жизнь концепции «человечества единой судьбы», впервые заявленной в качестве догмы внешней политики Китая в 1997 году [25]. Такой подход направлен на формирование нового имиджа Китая как геополитического лидера развивающихся стран в современную эпоху.

Эта идея частично унаследована от СССР и его идеологии объединения всех некапиталистических государств с помощью экономических преференций. В целом, «человечество единой судьбы» выражает идею глобализации на китайский манер, заменяя англосаксонское мировое ядро китайским доминированием в Евразии и создавая совместное сообщество развивающихся стран, готовых адаптироваться к китайской экономической модели, образу жизни и внешней политике, тех кто готов стать в некоторой мере китайскими сателлитами [14]. В дополнение к геополитическим амбициям китайская экономика резко выросла по сравнению с экономикой ЕС и Америки после 2012 года, что позволило Китаю накопить огромные объемы капитала и дало возможность активно их инвестировать в региональные державы.

Эти факторы привели к тому, что ОПОП на втором этапе своего развития стал инструментом китайской «мягкой силы» и экономической экспансии Китая. До недавнего времени, первое, что следовало рассматривать, исследуя ОПОП, – его роль и место аффилированных с инициативой структур, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), в распространении китайского влияния в Азии и Африке [4]. Здесь необходимо подчеркнуть, что официальная позиция Китая по ОПОП заключается в том, что проект не направлен на распространение влияния Китая [26]. Изменение ключевой идеи проекта привело к изменению его инструментов – от строительства инфраструктуры и ускорения транзита китайских товаров к масштабным инвестициям в развитие инфраструктуры, телекоммуникаций, энергетической системы, водоснабжения и городских проектов. Железнодорожная и портовая дипломатия Китая быстро трансформировалась в инвестиционную дипломатию.

Китайские инвестиционные предложения странам, нуждающимся в иностранных инвестициях в перечисленные сферы, выдвигались местным элитам, не готовым отказываться от своих позиций [18]. В этой связи они оказались более интересны, чем предложения Группы Всемирного банка или Азиатского банка развития, поскольку обычно никаких политических изменений или трансформаций в государственном управлении китайскими финансовыми института-

ми для получения инвестиций не требуется. Тем не менее проблема заключается в том, что проекты ОПОП основаны на китайских инновациях и технологиях, китайских финансовых ресурсах и китайской рабочей силе [3]. Более того, условия для инвестиций в рамках ОПОП или от АБИИ включают участие китайских многонациональных банков в управлении финансовыми ресурсами, предоставленными для проекта, долю китайских сотрудников во всех работах, льготные условия для китайских производителей товаров и поставщиков услуг при реализации проектов. Другой важный вопрос заключается в том, что ОПОП – инициатива без четких границ, в связи с чем трудно понять, какие из китайских инвестиций осуществляются в рамках инициативы, а какие преследуют другие цели. В результате последствия от активного участия в ОПОП трудно оценить, как и то, насколько какая-либо из политических сил в стране-получателе инвестиций является прокитайской из-за национальных интересов или иностранного влияния.

Положительные и отрицательные стороны такого подхода к странам-получателям очевидны – в то время как получатели получают более дешевую и не налагающую политических условий финансовую помощь, присутствие китайских транснациональных корпораций, задолженность получателя перед Китаем или китайскими институтами, необходимость конкурировать с китайскими товарами на местном рынке в целом приводят к ослаблению экономики. Наименее развитые государства становятся полностью зависимыми от Китая, в то время как более экономически сильные страны теряют часть своих внутренних рынков [17]. Выбор между западным и китайским подходами представляется иллюзией – принимая первый, страна рискует своей политической независимостью и скрытно попадает в сферу влияния развитых экономик прикрытую нарративом демократических институтов и демократии на западный манер, выбирая китайский вариант, национальная экономика становится зависимой от КНР и ее инвестиции и постепенно переходит в состояние китайского сателлита [20]. Это несколько противоречит официальной позиции Китая, но китайское видение нового мирового порядка отличается от западноцентричного только тем, пред-

полагает некоторое разнообразие позиций, но главной из них является позиция КНР.

Политика Китая в рамках инициативы, несмотря на описанные выше недостатки для отдельных экономик, логична и прагматична. Это позволяет Китаю развивать собственную экономику под давлением США и их западных союзников и не бояться санкций, которые практически никак на него не влияют. КНР преследует свои собственные интересы, как и любая другая сверхдержава, и одним из них является продвижение влияния в Евразии. Китай может похвастаться высокоэффективными инструментами для достижения этой цели – ОПОП и связанные с ним международные институты, китайские транснациональные корпорации, включая транснациональные банки, юань в качестве резервной валюты [21]. Это чем-то напоминает Бреттон-Вудскую систему институтов и правил глобальной экономики, приведшую к возвышению США и становлению однополярного мира, существующему сегодня (или до недавнего времени). Очевидно, что в такой интерпретации российские опасения относительно того, что КНР приобретает неоправданно большое влияние в Евразии, укрепились, были предприняты попытки сформировать противовесы синоизации Евразии [7]. Естественно, что отношение к ОПОП в РФ сменилось с положительного на осторожное и умеренно настороженное [2]. Этому способствовали и рост экономических амбиций РФ, и увеличение влияния КНР в странах Центральной Азии, которые РФ исторически считала своим контуром влияния.

В 2023 году китайский проект ОПОП претерпел еще одну трансформацию. Китайское видение будущего Евразии как «человечества единой судьбы», возглавляемого КНР, стало из теоретической концепции реальным планом [15]. Оно выглядит как еще одна интерпретация монополярного (или биполярного) мира, продвижение которого будет происходить в том числе и через экономические инструменты, глобализацию с китайским характером и ряд других идеологических концептов. В случае, если эта идея воплотится в жизнь, современный англосаксонский миропорядок будет заменен китайским мировым порядком (монополярный мир) или обоим суждено находиться в постоянной конфронтации (биполярный мир). Представляется, что «человечества

единой судьбы” не новая концепция мирового порядка, а просто идеологическая основа смены полюса.

В современных условиях особенно важно подчеркнуть, что Россия имеет свое собственное видение будущего евразийского континента, которое не противоречит китайскому, но довольно сильно отличается [6]. Россия придерживается подхода, согласно которому выбор будущего является безусловным и суверенным правом любой нации и государства. В этой связи российский подход к трансформации мирового порядка включает в себя следующие ключевые положения: новый мировой порядок должен основываться на ответственном взаимодействии нескольких сверхдержав, в то время как в Евразии этими сверхдержавами являются Китай, Индия и Россия, на других континентах другие страны выступают в роли сверхдержав, например, Бразилия, Южная Африка, Германия, США и т.д.; у каждой сверхдержавы есть сферы интересов, и они должны быть сбалансированы на международном уровне, если они вступают в конфликт; безопасность и суверенитет любого государства не должны пострадать от действий других стран; разнообразие подходов к национальному, региональному и глобальному развитию делает его более жизнеспособным и долговечным в кризисных условиях, поэтому крайне необходимо сохранить это разнообразие. Такой подход предоставляет больше возможностей развивающимся экономикам, чем китайский и предлагает более высокие шансы на успешное и независимое развитие, поскольку оставляет возможность для справедливой конкуренции сверхдержав и поиска баланса между их интересами.

В российском видении Китай может продвигать и развивать ОПОП в любом виде, если этот процесс непосредственно не наносит вреда или не угрожает суверенитету какой-либо другой страны. В то же время риски также выше, так как в случае постепенного упадка любой из сверхдержав неизбежны потрясения и борьба за новый раздел сфер интересов [13].

Для защиты российских интересов в условиях более высокого экономического влияния Китая и значительного политического влияния англосаксонских стран России необходима конкуренция сверхдержав. В этой ситуации союзы сверхдержав Евразии

для балансировки их индивидуальных интересов являются ключевой идеей российской внешней политики. Среди наиболее важных из них – российско-индийское сотрудничество, сотрудничество между Россией и дружественными странами СНГ и российско-китайское партнерство [6]. Первые два институционально представлены мультимодальным коридором Север-Юг (ММТК) и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) – двумя чрезвычайно важными геоэкономическими и геополитическими проектами для России. Очевидным способом институционального взаимодействия России и Китая являются ОПОП и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Взаимодействие между ЕАЭС и ОПОП демонстрирует текущее российское видение китайского проекта [1], в то время как взаимодействие между ММТК и ОПОП показывает, какова российская альтернатива китайской инвестиционной дипломатии [8].

Ключевой термином, характеризующий взаимодействие ЕАЭС и ОПОП, – “сопряжение” [22]. Он описывает процесс поиска схожих позиций по проблемным вопросам и превращения их в основные пункты сотрудничества при защите национальных интересов в вопросах, в которых дружественные страны расходятся во мнениях. Классической демонстрацией такого отношения является политика Китая и России в Центральной Азии. Обе страны имеют свое собственное видение роли региональных экономик в своей внешней политике – Россия рассматривает Центральную Азию как регион в сфере своих интересов и пытается привлечь центральноазиатские государства к более глубокому экономическому и политическому сотрудничеству, в то время как Китай преследует цель установления господства в Центральной Азии путем завоевания региональных рынков и массово инвестирует в Казахстан, Таджикистан и Узбекистан, содействует выходу китайских ТНК на рынок Центральной Азии [4]. Регион частично включен в ЕАЭС (Казахстан и Кыргызская Республика), в то время как все страны региона в определенной степени вовлечены в коридоры ОПОП, поэтому страны региона должны “выбрать сторону” [19]. Это соревнование не делает Китай и Россию соперниками, даже если говорить об отдельно взятых проектах – железная дорога Пекин – Москва была китайской ини-

циативой, которая рассматривалась РФ как угроза национальным интересам [14], поэтому она была отложена и преобразована в а) высокоскоростную железную дорогу Казань – Москва, которая отвечает интересам России и б) в железнодорожный коридор Китай – Кыргызская Республика – Узбекская железная дорога, которая отвечает интересам Китая и оказывает значительно меньшее влияние на российское влияние в регионе [16]. Более того, когда две сверхдержавы занимают схожие позиции, страны Центральной Азии, как правило, следуют одним и тем же курсом – например, государства региона предпочли не высказывать свою позицию по российской спецоперации на Украине, после того как Китай занял нейтральную позицию по этому вопросу.

Тем не менее, есть множество примеров другой стороны таких взаимодействий – например, один из первоначальных проектов ОПОП включал так называемый Северный коридор, который в основном проходил через Россию. Изменение китайского видения ОПОП, описанное выше, привело к большей заинтересованности Китая во включении стран Центральной Азии и азиатских развивающихся экономик в сферу своего влияния, чем к более дешевому и короткому пути через Россию – сильного партнера со своими интересами и готовностью их защищать. Другим подобным примером является реакция России на предложение о создании нового финансового института в рамках Шанхайской организации сотрудничества – Банка ШОС. Россия заблокировала эту идею, поскольку она противоречила ее интересам в Центральной Азии и угрожала ее позициям в Южной Азии.

Сопряжение ЕАЭС и ОПОП – простой пример партнерства с учетом взаимных интересов, основанного на конкуренции и поиске лучшего способа их продвижения в регионе, с учетом интересов региональных акторов. В то время как Китай продвигает свою концепцию «человечества единой судьбы», у России есть своя альтернатива – проект «Большая Евразия», который конкурирует с китайским [24].

Взаимодействие между мультимодальным коридором Север-Юг и ОПОП несколько отличается. ММТК включает в себя часть китайско-пакистанского коридора и проходит через несколько узлов Южного коридора ОПОП, так что в целом он тесно

связан с ОПОП [8]. В то же время ММТК является редким примером вертикальных инфраструктурных инициатив в Евразии (инициатива, предполагающая строительство инфраструктуры в направлении Север-Юг, а не Восток-Запад), которая является совместной идеей Индии, России и Ирана. Генезис идеи и ключевые участники делают ММТК примером инструмента балансирования влияния Китая в Евразии. Сегодня коридор развит в недостаточной мере, но имеет значительные перспективы для будущего использования в качестве альтернативы Морскому шелковому пути. Разработка этой альтернативы, наряду с предложением о большей открытости и доступности Северного морского пути (другого, более короткого, но зависящего от климата варианта морских перевозок из Азии в Европу) для иностранных судов, демонстрирует готовность России предоставить альтернативы китайским проектам. Российское видение евразийского сотрудничества лежит в области взаимосвязанности, которая была первоначальной идеей ОПОП, в этом отношении интересы России и Китая частично совпадают. В то же время Россия рассматривает ЕАЭС, сотрудничество с Индией и Ираном как сдерживающие факторы китайской экспансии в Евразии, поэтому она развивает возможные альтернативы китайским проектам, чтобы сбалансировать Китай и способствовать глубоким изменениям в мировом порядке, а не смене лидера, к которой, как видится сейчас, стремится Китай [27].

Резюмируя сказанное, российское видение ОПОП как позитивного сдвига в глобальных интеграционных инициативах сочетается с некоторыми опасениями по поводу неконтролируемого роста китайского влияния в Евразии. Принимая это во внимание, отношение к ОПОП в России в целом положительное, но с большой долей осторожности. В то время как сопряжение ЕАЭС и ОПОП представляется возможным, также как и плавное сосуществование ММТК и китайской инициативы, сопряжение российских и китайских геополитических стратегий и видений евразийского будущего маловероятно. Две страны являются партнерами во взаимно интересных проектах, но с точки зрения геополитики все сверхдержавы в определенной степени являются соперниками. В этой связи Россия поддерживает ОПОП, активную торговлю с Китаем,

как и с любой другой дружественной страной, но противостоит попыткам КНР включить страны ЕАЭС в сферу своего влияния и глобальных идей. Дальнейшие изменения в российском видении будущего Евразии, включая отношение к ОПОП, в значительной степени зависит и от разрешения украинского конфликта, который, по мнению России, является рубежом изменения мирового порядка – чем решительнее победа России, тем больше возможностей для РФ продвигать свое видение евразийского будущего.

Российское видение ни при каком сценарии развития событий не будет противоречить китайскому, но РФ приложит серьез-

ные усилия для установления нового мирового порядка без явной гегемонии какой-либо сверхдержавы, включая Китай несмотря на то, что с российской точки зрения это лучший вариант, чем нынешний миропорядок, возглавляемый США и англосаксонскими странами. Место ОПОП как компоненты этой российской картины нового мирового порядка может измениться – из инструмента ослабления санкционного давления, экономического роста и диверсификации экспорта он превратится в конкурента российской системы логистической инфраструктуры, включающая ММТК, Северный морской путь, Транссибирскую магистраль и Байкало-Амурскую железную дорогу.

Библиографический список

1. Бакулин В.С. Процессы сопряжения китайского проекта «Один пояс – один путь» и ЕАЭС в рамках концепции «Большого евразийского партнерства» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 76. С. 47-56.
2. Дисэн Г. Россия, Китай и «баланс зависимости» в Большой Евразии // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-kitaj-i-balans-zavisimosti-v-bolshoj-evrazii/> (дата обращения: 06.10.2023).
3. Зиневич О.В., Селезнева Н.В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15, № 6. С. 36-54.
4. Изимов Р.Ю., Мурагалиева З.Т. Центральноазиатский трек инициативы «Пояс и путь»: возможности и риски // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 3. С. 128-142.
5. Кашин В. Особый пояс – особый путь // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/05/30/692026-osobii-royas> (дата обращения: 06.10.2023).
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000e238d46f3a166166350b0eb88789a54d48e87f00b340bd2b44b24a75e1f802a908393dbc5a143000fb1a20ed2c64b65455a26679514087b1f2f7a0714312fc6d782c4712736b3f0ad80227a010d6c230dc3c74fd0806b3a7 (дата обращения: 07.10.2023).
7. Лузянин С.Г. Россия – США – Китай: борьба за «Большую Евразию» // Обозреватель – Observer. 2020. № 11(370). С. 51-64.
8. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура // ЕАБР. URL: https://eabr.org/upload/iblock/a2b/EDB_2022_Report-2_INSTC_rus.pdf (дата обращения: 07.10.2023).
9. Миркин Я.М. Восточный путь глобальных финансов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 2. С. 66-92.
10. Михалев М.С. «Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций. 2016. Т. 9, № 6. С. 88-104.
11. Моргулов И.В. Россия – Китай: отношения, устремленные в будущее // Посольство России в Китае. URL: https://beijing.mid.ru/ru/news/rossiya_kitay_otnosheniya_ustremlennye_v_budushchee/?TSPD_101_R0=08765fb817ab20001bd8cc71fda5c8a10e980b9fde7a5d4a2bc29dc64a1569a7d795839e0a36fb600862972a221430008b4c7ac0572693a23d3b552d2c08b48144eccf7e5c61f0635e67574ba7678fa4132b2b936c0ec5e02942d467039db479 (дата обращения: 06.10.2023).
12. Навой А.В. Трансформация роли России в мировой финансовой архитектуре в условиях геополитических вызовов // Финансовый журнал. 2022. Т. 14, № 6. С. 111-123.
13. Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 32-46.

14. Носов М.Г. Россия в контексте китайского проекта «Один пояс – один путь» // Современная Европа. 2020. № 5. С. 33-45.
15. Программное выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия III форума международного сотрудничества «Один пояс и один путь» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/10/27/vo-imia-otkrytosti-i-sovmestnogo-razvitiia-v-mire.html> (дата обращения: 06.10.2023).
16. Рахимов Б.А. Реализация международных транспортных проектов в Кыргызстане: перспективы строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2020. № 2. С. 80-91.
17. Умаров Т. На пути к Pax Sinica: что несет Центральной Азии экспансия Китая // Фонд Карнеги. URL: <https://carnegiemoscov.org/commentary/81265> (дата обращения: 06.10.2023).
18. Умаров Т. Опасные связи. Как Китай приручает элиты Центральной Азии // Фонд Карнеги. URL: <https://carnegiemoscov.org/commentary/83701> (дата обращения: 06.10.2023).
19. Хуашен Ч. Перемены в Центральной Азии: на пути к новой модели? // Валдайский клуб. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/peremenu-v-tsentralnoy-azii-na-puti-k-novoy-modeli/> (дата обращения: 07.10.2023).
20. Krasnyukova N.L., Panina O.V., Sokolova E.S., Bakulina A.A. BRI and the Countries of Southern Europe: The Risks for the European Markets and the Prospects for Southern Europe Development // Advances in Economics, Business and Management Research. Vol. 107. New York: Atlantis Press, 2019. С. 1-4.
21. Hepburn C., Stern N., Xie C., Zenghelis D. China's Economic Development in the New Era: Challenges and Paths // China Finance and Economic Review. 2023. Т. 11, № 2. С. 3-22.
22. Mekhdiiev E., Pashkovskaya I., Takmakova E., Smirnova O., Sadykova K., Poltorykhina S. Conjugation of the belt and road initiative and Eurasian economic union: problems and development prospects // Economies. 2019. Т. 7, № 4. С. 118.
23. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: The Free Press, 1992. 446 с.
24. Glaser M. The concept of “Greater Eurasia”: The Russian “turn to the East” and its consequences for the European Union from the geopolitical angle of analysis // Journal of Eurasian Studies. 2021. № 13. С. 1-13.
25. Hai Sheng. Building a community with a shared future for mankind way to peace, development and prosperity // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202303/1287990.shtml> (дата обращения: 06.10.2023).
26. Ohashi H. The Belt and Road Initiative (BRI) in the context of China's opening-up policy // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2019. № 7. С. 1-19.
27. Мехтиев Э.Т., Сон М.Г. Стратегия внерегиональных держав на пространстве южного Кавказа // Евразийский юридический журнал. 2013. № 11 (66). С. 157-158.